

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

В серию входят книги по современному богословию (основное, литургическое, нравственное богословие и другие его разделы), принадлежащие перу выдающихся современных авторов основных христианских конфессий

Книги Адриенн фон Шпайр в Издательстве ББИ:

Победа любви
Притчи Господа
Раба Господня. Книга о Марии
Тайна смерти
Творение

ADRIENNE VON SPEYR

DER SIEG DER LIEBE
BETRACHTUNG ÜBER RÖMER 8

GELEITWORT
VON
HANS URS VON BALTHASAR

JOHANNES VERLAG

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

АДРИЕНН ФОН ШПАЙР

ПОБЕДА ЛЮБВИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД РИМ 8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ганса Урса фон Бальтазара

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.37
УДК 230.111/227.12
Ш 831

Перевод: Ольга Хмелевская
Редактор: Алексей Бодров

Данный перевод книги Адриенн фон Шпайр
Der Sieg der Liebe. Betrachtung über Römer 8 публикуется с согласия
издательства *Johannes Verlag Einsiedeln*.

Шпайр Адриенн фон
Победа любви. Размышления над Рим 8 / Пер. с нем. (Серия
«Современное богословие»). – М.: Издательство ББИ, 2019. –
86 с.

ISBN 978-5-89647-373-2

Эта книга – необычный, яркий, глубокий комментарий к восьмой главе Послания к Римлянам апостола Павла, где речь идет об окончательной победе любви Бога. Ничто, по мнению автора, не в силах остановить неуклонное продвижение этой победы, ведь уверенность в ней, как и сама любовь, есть свойство Бога. С этой уверенностью, утверждает Шпайр, те, кто следует словам Павла, готовы взяться за любую вдохновенную Богом задачу, пойти на любое предложенное им соглашение. Победа за нами, и это та безграничная победа, которую сам Бог желает и обеспечивает, – победа любви.

Верстка: Татьяна Дурнова
Обложка: Элла Раскина

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Johannes Verlag Einsiedeln, Freiburg, 1953, 2008

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2019
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	vii
I. Разделение.....	1
II. Наследие.....	25
III. Надежда.....	37
IV. Уверенность.....	55

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восьмая глава Послания к Римлянам – яркая, головокружительная кульминация в величественной симфонии Павловых творений, которая может действовать на нас даже в отрыве от общего контекста его писем. Такое расщепление Священного Писания на фрагменты, постоянно практикуемое Церковью в литургии и проповеди, со всей силой напоминает нам о том, что при всей горизонтальной связи между человеческим и божественным Слово Божье в каждом своем фрагменте вертикально «стреляет с неба» и должно приниматься обнаженным, ничем не защищенным человеческим сердцем.

В этой главе речь пойдет об окончательной победе любви Бога Отца через Христа Святым Духом в верующих, соединенных в Церковь, в братьях и сонаследниках Сына, через которых все стелющееся творение в конечном счете достигнет освобождения. Ничто не в силах остановить неудержимое продвижение этой победы, преградить путь этому триумфальному шествию. Мы со своими ограничивающими идеями не можем перебивать Павла; его провозвестие носит характер абсолютной, и при этом прогрессирующей, всеобщности. Еретики, исходившие из небиблейского учения о предопределении, в котором индивидуумы представлялись друг против друга, ошибочно видели в завершающих стихах подтверждение своей субъективной уверенности в спасении. Адриенн фон Шпайр удалось избежать этой опасности, как равно и первой – ограничить слова апостола внешними рамками; она по своему обыкновению остается внутри чистой и неискаженной объективности спасительного дела и его распространения. Поэтому она запрещает себе понимать понятие «избрание» иначе, как только в

контексте истории спасения, т.е. как нечто обязывающее, как послание, и считает, что именно в этой форме следует истолковывать библейский – уже ветхозаветный, но в особенности Павлов и Иоаннов – смысл тайны избранничества.

Из неопубликованных отрывков автора приведу один, имеющий отношение к данной теме: «Когда Павел говорит об избранных, он имеет в виду определенных людей. Перед глазами у него стоит образ учеников, следующих за Господом: они – тип, пример; на них падает основной свет. То, что этот свет от них распространяется на других – более того, передается другим, есть новая истина, не противоречащая первой, а наоборот, имплицитно включенная в нее. Но подразумеваются в первую очередь Петр, Иоанн, а не Зеведей, хотя он и близок к светлому кругу. Даже само число есть тайна Сына. Можно допустить, что Отец имел в виду “многих” и что, говоря человеческим языком, дело Сына, призвавшего “всех”, оказалось для него неожиданностью. Когда малой Терезе предложили выбрать что-то из корзины с подарками, она “выбрала всё”. Она выбрала не только красивое, но и невзрачное. Тереза всего лишь пытается проникнуть в самые сокровенные мысли Сына Человеческого: он первым “выбрал всё”, до последнего человека, лежавшего в корзине творения, возможно, искаженного до неузнаваемости грехом, но все же прекрасного, поскольку его создал Отец». Мы не вправе давать определение таинственному делу Сына исходя из своих предубеждений. Но там, где поток благодатных лучей излился с преизбытком, не следует из ложной скромности отворачиваться, а стоит благодарно и благоговейно склониться перед даром.

В нашу эпоху, одержимую темными сторонами человеческой природы, ничто христианину не нужно так, как мужество идти к божественному свету. И именно в эту эпоху, стремящуюся привести мир к тотальной закрытости, хри-

стианин вправе поднять ставки и вместо этого мнимого идеала предложить другую тотальность – победный универсализм спасения. В контрапункте эпохи, возможно, объемнее, чем когда-либо ранее, открывается нам безграничность Божьей благодати.

*Ганс Урс фон Бальтазар,
май 1953 г.*

I

РАЗДЕЛЕНИЕ

1. Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе.*

Ныне обозначает момент, с которого входит новое. Не робко, не украдкой, не по случайности. Оно здесь с силой свежего источника, с безусловностью совершенной истины – обильно, выше меры. Со свежестью только что родившегося настоящего. Но также с опытом и уверенностью того *сейчас*, которое знает преодоление, оставляет за собой, ставит завершительную точку. В этой завершительной точке кроется начало. А начало в том, что *нет ныне никакого осуждения*. Все смыто. Правда, *ныне* предполагает некое отношение к прошлому, чтобы справиться с ним внутри нового. Опыт бывшего присутствует в полной мере, чтобы как целое уступить место новой истине. Заглатываемый, он служит мотором к рождению нового момента. А восход момента – это как восход солнца, когда ночь заканчивается; она *уже* закончилась, поскольку приходит солнце; прошлое *уже* закончилось, поскольку наступило *ныне*; опыт *уже* впитан, поскольку сейчас поднимается новое. Опыт стал частью теперешнего *ныне*. Леса снимаются, чтобы очертания нового здания стали зримы в полной мере; дом достаточно крепок, чтобы стоять без подпорок.

Ныне нет *никакого осуждения*, ничего отвратительного, ничего, что бы давало повод к упреку, опасениям, обоснованному промедлению, ведь существует истина, превосходящая

* Рим 8:1. – Цитаты из Послания ап. Павла приведены по Синодальному переводу. Здесь и далее * обозначены примечания переводчика.

все другие истины, – *Христос*. Истина Христова. А кто в нем, тот в истине, тот не искушается внешним, того невозможно убить, заставить замолчать, заменить, сместить, рассматривать как что-то незначительное. Кто *во Христе Иисусе*, тот в источнике, в истине. Она его омыла, сформировала, вскормила. Пока он не был в ней, он был неизвестно кем – возможно, хирел, чах, угасал. Его сущность была несущественна; то, что он делал, делалось не в истине; с точки зрения истины он был презрен и не мог считаться хорошим и честным. Но ныне в верующем все хорошо и честно, потому что он пребывает в свете, в истине. Он обновляется, и это обновление подобно любви. Обновление происходит не так, как если бы изменения делали его неузнаваемым, как если бы сегодня он был несравним с тем, каким он будет завтра. Сегодня и завтра встречаются в *ныне*. Только вчера осталось позади; достойное осуждения осталось далеко в прошлом, подобно одежде, которую мы сбросили, подобно отмершей коже. Как что-то, что вчера было подсудно, а сегодня не имеет права на существование; как что-то, что верующий когда-то рассматривал как свое, теперь же видит искаженным и фальшивым и не желает иметь с этим ничего общего. В *ныне* содержится *конец*; конец тому, что было. Но незавершенность нового человека в Господе дает понять, что границы передвинулись: теперь уже не человек ищет какой-то закон, под которым он мог бы жить, истину, на которую мог бы ориентироваться, путь, по которому мог бы следовать; теперь ему указано место – то место, где его ожидает Господь. Как если бы Христос стоял с распростертыми объятьями, чтобы прижать его к своему сердцу, дать приоритетное место любимого ученика, привести его туда, где мог бы с ним что-то делать. Он нужен Христу не для того, чтобы тот наконец с ним разобрался, выдумал новые моральные предписания, новые правила, чтобы поставить этого недочеловека в соответствующие рамки; он нужен Господу, поскольку Он сделал его частью своей истины. Поскольку Он принял его

в себя, в укромность своего собственного бытия. Теперь у человека есть родина, есть место, откуда он с Христом может совершать то, к чему призван. А Господь не пытается его ослабить, подавить его активность; Он не намерен настаивать на своих правах, подчеркивать, что между ним и человеком существует пропасть или вселять в верующего человека неуверенность в собственных силах. Он позволяет ему безгранично участвовать в своей спасительной миссии, в своем деле и в своей природе. Христос сам есть это место, а потому всякая мера теряет силу. Ибо кто измерит Господа, взвесит Его, рассечет Его дело на исчислимые частичные дела? Показав себя на земле в акте откровения триединого Бога, Сын окончательно сказал великое, беспрецедентное слово: «Видящий Меня видит Отца». Так, уже Его происхождение есть отрицание ограничивающей меры. На первый план выходит общее, бытующее, тринитарное предстает в своем единстве. Нечто подобное происходит и с человеком, который живет во Христе. Пока в нем было что-то отвратительное, было необходимо измерять и прочерчивать границы; взвешивание было не только необходимо, но и строго обязательно. Теперь же он может быть в Господе, и его бытие означает существование и пребывание. Бытие становится чем-то совершенно новым. Кто может измерить вечное бытие в его прохождении через брэнное время? Кому под силу охватить длительность вечности путем пересчета дней, времен и периодов? Так прошел и смысл того, что достойно осуждения, истина того, что отвратительно, ведь во Христе Иисусе есть место для всего, кроме греха.

2. Потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти.

Ныне предыдущего стиха вновь засияло. Момент – что-то другое. Был закон, следствием которого была смерть, закон-к-смерти, поскольку решающим фактором был грех, и он же

оставался единственным, что можно было увидеть. Грех и смерть едины со времен первого грехопадения. Грех ведет к смерти, и закон был выражением этой логической связи. Когда апостол говорит об этом, ученикам ясно, что они знают этот закон, что они были под ним, что он был для них чем-то само собой разумеющимся, и логика его была неопровержимой. Но вот он говорит о себе, что свободен от этого закона. Они знают его, знают его прошлое, связаны с ним. Этот человек, которого они знают, стоит по ту сторону закона в свободе Преодолевшего. А преодоление это совершилось внутри нового закона – закона Духа, который настолько силен, что изначально делает свободными, настолько нов, что разделяется с прошлым, настолько благодатен, что наказание исчезает. Это закон Духа; того Духа, который есть *Дух жизни*. Дух и жизнь сливаются в единое целое, выражающее силу, которая, в противоположность силе греха и смерти, разрушает то, что имело силу до сих пор. Не для того, чтобы прийти с ним к соглашению, с правилами и исключениями; не так, что живущие в новом законе снова и снова должны оглядываться на старое, чтобы не нарушить его, и чтобы каждый мог жить по своим законам. Нет, новое победило, поскольку оно означает жизнь *в Иисусе Христе*, в нем *делает свободными*, поскольку из всего этого высказывания апостола неожиданно просматривается только Один, который принес закон Духа и преодолел смерть. Ясно, что Христос своей смертью и воскресением, именно в единстве смерти и воскресения, победил смерть; новизна в том, что Он сотворил новый закон – закон освобождения, преодолевающий закон смерти. Господь предстает как законодатель, как тот, кто не просто ходил по проторенным древним тропам, исполняя обетование, но и создал нечто новое. Он *действительно* исполнил, но принес с собой собственный закон жизни, жизни в Его Духе, Духа в Его жизни. Он стал ключевой фигурой нового закона, более того – законодателем, который творит новое и этим новым преодолевает старое. Тем же, кто живет

в нем, не придется знать никакого другого закона кроме этого. Он принял нашу плоть, но дал нам своего Духа. Можно сказать, Он создал противовес для своего воплощения. От нас Он позаимствовал человеческую природу. Он прожил ее совершенно, быв одним из нас; Он также даровал нам свою евхаристию – продолжение своего бытия плотью и кровью. И в качестве противовеса Он принес с собой закон Духа, которым делится с теми, кто живет не просто Его жизнью, но в Его жизни, кто находится внутри Его самого. Мы знали жизнь греха; она привела к смерти. Ныне мы знаем жизнь Духа; она ведет к жизни, то есть, она бесконечна, поскольку такова жизнь во Христе, а Христос обладает вечной жизнью. Мы можем сейчас обменять свою конечную жизнь на жизнь бесконечную, брнную – на вечную, один закон – на другой. С этого места по-новому освещается свобода человека. Она остается свободой под законом, но уже не тем законом, который предусматривает смерть, а тем, который предусматривает жизнь, жизнь Духа, жизнь более широкую – не только во времени, но и в пространстве: ее пространством является вечное пространство Господа. Ради этого большего человек и освобождается. Закон не сковывает; он освобождает, это похоже на отпущение грехов. С тем же успехом Павел мог бы здесь говорить об исповеди, которая освобождает нас от греха, чтобы через отпущение мы могли участвовать в жизни вечности, в жизни Господа.

Ныне верующему даруется новое понимание закона. Одновременно он получает новое понимание жизни, ибо освобождение от греховной жизни, ведущее к жизни закона – закона в жизни того, кто живет во Христе, – описывает гарантированное участие в жизни, в Духе, в Господе. Тело с его требованиями и искушениями, его брнностью и скудостью, предстает теперь как бы отстраненно, поскольку приоритет получает Дух. Дух – это Дух жизни, Святой Дух, Дух Божий, вымоленный человеком и снизошедший к нему; Дух, который принес с собой Сын, между тем как Дух

принес на землю Сына. И вновь встречное действие. Дух осенил Матерь и произвел воплощение Сына. Но теперь Сын обращается к Духу, чтобы из него построить закон жизни для человека. Как Дух принес нам Сына как того, который хочет жить с нами, так теперь Сын приносит Духа, чтобы мы могли жить: в Сыне и в Духе одновременно.

3. Как [для достижения этого] закон, ослабленный плотью, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти.

Закон, который мы до сих пор соблюдали, предстает теперь во всей своей ограниченности, и именно это здесь подчеркивает Павел. Закон был бессилен, у него были границы, которые он не мог преодолеть, поскольку был скован путами смерти. Закон и смерть были созвучны друг другу в той мере, в какой закон находил себе применение там, где был грех, а грех приводил к смерти. Смерть, в свою очередь, содержалась в законе и привязывала закон к себе. Тем самым в смерти закону полагался конец; жизнь закона была ограничена временем. Это была слабая жизнь, ведь она носила в себе смерть. Закон не был в силах дать освобождение.

Посему Бог послал Сына Своего в мир, носивший на себе определенную печать закона, греха и смерти. Он позволил своему Сыну стать человеком *в подобии плоти греховной*. Дабы быть одним из нас, Сын Человеческий должен был по виду ничем от нас не отличаться. Кто видел Его, мог подумать, что Он, подобно нам, носит в себе закон смерти. Но это было только *подобием*. Сын был Богом и стал человеком, чтобы преодолеть закон, освободить его от «это невозможно!» и тем самым даровать человеку свободу жизни и Духа, которую сам имел в такой полноте, что ее хватило на каждого, и каждый вместе с ним мог жить в нем.

Отец с самого начала *осудил грех*. В этом предвечном осуждении скрывалась Его великая любовь к человеку, изначально-